

Авреем наблюдал, как падал лысый человек, переворачиваясь и кувyrкаясь в воздухе. Беднягу звали Вехлас, и он кричал, пока не ударился головой о выступающую перекладину поворотных лесов. Дальше он падал молча. К тому времени, как его тело растянулось на палубном настиле в пятистах метрах внизу, большинство остальных рабочих вернули внимание к огромному плазменному цилиндру, который возвышался перед ними. Подмостки были узкими и раскачивались от шагов рабочей бригады внизу. Авреем видел, как они отцепили плазменный цилиндр от поддерживающих смазанных цепей, и направили в зияющее отверстие приводной камеры.

— Он уже упал? — спросил Койн.

Авреем кивнул, он был слишком ошеломлён и опустошён, чтобы ответить.

— Почему ты всегда смотришь? — поинтересовался Хоук.

— Я продолжаю надеяться, что кто-нибудь сделает хоть что-нибудь, чтобы помочь.

— Размечтался, — проворчал Хоук. — Механикус плевать на нас — мы просто рабы. Даже не люди. Они считают, что оказывают нам честь, убивая здесь. Ничего себе честь, а?

— Я видел, как четыре человека погибли, заправляя всего один двигатель, — сказал Авреем, вытирая пот со лба грязным рукавом спецовки. Когда-то она была ярко-красной, но с тех пор промокла и покрылась грязно-чёрными пятнами масла.

— Четыре, — задумчиво произнёс Койн. — Мне показалось, что больше.

— Нет, последний не упал на палубу, — пояснил Хоук, бросив злой взгляд на Вреша, облачённого в мантию надсмотрщика, управляющего работой с парящего репульсионного диска. — Бедолага упал на один из нижних подмостков. Он не умер, но, похоже, переломал все кости.

Безразличие, которое демонстрировали Механикус, ужасало Авреема.

— Люди гибнут, а для надсмотрщиков это всего лишь неудобство.

— Мы — завербованные, — сказал Хоук. — Чего ты ожидал?

Авреем кивнул и опустил на корточки, положив голову на руки. Они воняли потом, лопнувшими волдырями и машинным маслом. Вместе с Хоуком, Койном и Крушилой он работал с сотней других мужчин на узких подмостках, оказавшихся частью огромных поворотных лесов, которые перемещались подобно гигантскому колесу вокруг внешнего корпуса необозримого термоядерного реактора. Бурлящий плазменный реактор размещался в подфюзеляжной части приводной камеры. Диаметр приводной камеры составлял три четверти

километра, всего их было пятьдесят. Каждой из них требовалось две дюжины плазменных цилиндров величиной с цистерну руды, которые вставляли словно пули в барабан револьвера, чтобы “Сперанца” накопила достаточно энергии и покинула орбиту.

Реакторный храм резонировал звуками тяжёлых погрузочных платформ, лязгом цепей толщиной с опорные колонны, скрипом бинарных гимнов, ударами молотов и вулканическим громом извергающейся плазмы. Сильно воняло едкими газами, и в воздухе повисло марево от плазменных вспышек и сверкающих предупредительных маяков. Из-за теплового истощения пришлось заменить больше дюжины мужчин на подмостках, а вода, поступавшая по грязным пластмассовым трубам, оказалась солоноватой и с привкусом металла.

После того как гудящий плазменный цилиндр вывозили с закрытых палуб с боеприпасами, поворотные леса перемещались, пока не оказывались напротив рифлёного туннеля, в который его следовало закатить. Рабочие бригады заняли все подмости, вручную таща колоссальные цилиндры по смазанным рельсам, пока те не закреплялись в приводной камере. Затем поворотные леса снова приходили в движение, и очередной цилиндр появлялся с нижних палуб, чтобы его поместили на место.

Это была тяжёлая, опасная и неблагодарная работа. Четыре человека уже разбились насмерть, а несколько получили ужасные ранения, когда якорная цепь лопнула, и плазменный цилиндр прижал их к перилам подмостков.

— Осторожнее, — сказал Койн, глядя над плечом Авреема. — Встречаем следующий.

Смена продолжалась ещё пять часов, их бригада загрузила ещё шесть плазменных цилиндров, пока не проревела сирена, а затем поворотные леса, двигаясь рывками и скрипя, доставили их на горячую палубу. В голых металлических стенах реакторного храма открылись выходные люки, и изнурённые крепостные направились нестройными рядами к ступеням, которые вели в унылые каюты в утробе “Сперанцы”.

Словно армия побеждённых солдат, ведомая в плен, из которого не было спасения, рабочие едва двигались, понунив головы. Авреем поднял взгляд, когда Хоук двинул его локтем в бок и кивнул в сторону репульсионного диска Вреша, который снижался, чтобы проверить затворы на недавно запёртом цилиндре.

— Эй! — крикнул Хоук, грозя кулаком надзирателю. — Ты наверху!

— Что ты делаешь? — прошептал Авреем, схватив его за руку. — Замолчи!

Хоук отмахнулся. — Эй, ты убиваешь нас, ублюдок!

— Заткнись, Хоук, — сказал Койн, но горький гнев бывшего гвардейца достиг предела.

— То, что ты делаешь неправильно! Я сражался за Императора, чтоб тебя! Ты не можешь так относиться к нам!

Вреш, наконец, соизволил обратить на них внимание, мерцавшее синим светом аугметики, лицо за металлической маской изучало толпу угрюмых рабочих. Он пристально посмотрел на Хоука, и что-то произнёс на резком скрипучем коде. Репульсорный диск опустился ниже и Вреш ударил по нему потрескивающим шоковым посохом.

— Забудь, — сказал Авреем, потянув Хоука. — Похоже, он даже не понимает тебя.

— Он понимает меня очень хорошо, — огрызнулся Юлий. — Может быть, он и выбившийся в люди робот, но Вреш когда-то был таким, как ты и я. Он понял, что я говорил.

— Может и понял, но его это не волнует.

— Однажды я заставлю ублюдка поволноваться, — произнёс Хоук.

Для стороннего наблюдателя командная палуба “Сперанцы” выглядела ничем ни примечательным помещением из холодной стали, встроенными рядами подключённых сервиторов в закрытых модульных кабинах, и отдельных металлических наростов, напоминавших подстриженные стволы серебряных деревьев. Но для Линьи Тихон, чьи протезные зрительные нервы были приспособлены к ноосфере, она выглядела удивительным местом, где энтоптические машины создавали потоки данных, которые парили в воздухе, словно невообразимо изящные неоновые скульптуры.

Как и Адамантиевый Киворий, командная палуба представляла собой эллиптическое помещение, её стены изобиловали схемами, трубами и кабелями. Установленные на потолке концентраторы информации пульсировали светом и изливали потоки извивавшихся сообщений по всей голографической решётке палубы, поразительно сложный инфоток шириной с судно.

Информация обменивалась между узлами накопления сведений, обрабатывалась по значимости, а затем передавалась через призмы данных к месту назначения. К инфоцитным терминалам, за которыми многорукие тактильные провидцы анализировали миллион микропакетов в секунду, и били столь яркие фонтаны вулканического света, что на них было почти невозможно смотреть.

Такой огромный корабль, как “Сперанца” ежесекундно создавал колоссальный объём информации: колебания температуры корпуса, гравитационные коэффициенты сопротивления, инертная компенсация, давление в реакторе, целостность поля Геллера, варп-ёмкость, расход топлива, готовность двигателя, абляционные пустоты, оружейные арсеналы, обеспечение жизнедеятельности, гравитационные щиты “Анkil”, системы телепортов и миллиард других фрагментов данных, которые будут обработаны невероятно сложными логическими машинами судна. Информация висела яркими завесами, множеством символов, чисел и выборок, раскинувшихся в пряже света, нейронной сети невообразимой запутанности и многомерной геометрии.

Линья осторожно коснулась своими бесчисленными чувствами поверхности глубокого сознания судна, поразившись и слегка испугавшись его на первый взгляд бесконечной глубиной. Знать, что “Сперанца” старый корабль это одно, но почувствовать этот возраст в плотно свернувшемся коде-духе в его сердце, это совсем другое. Она читала готовность ковчега отправиться в путешествие в каждой мерцающей завесе призрачного света.

“Сперанца” рвалась на волю, стремилась отправиться в путь.

— Добро пожаловать на командную палубу, — произнёс Лексель Котов, и центральным помост, на котором сидел архимагос-эксплоратор, повернулся к гостям. — Полагаю, что никто из вас никогда не видел ничего подобного.

— Я никогда не видел подобного, — согласился отец Линьи, поднимаясь по пологому главному проходу, который вёл от единственного входа на палубу к трибуне, откуда управляли всеми высокими функциями корабля. Виталий и Котов общались на бинарном языке, каждый код произносился с тональной модуляцией, означающей уважение и взаимное восхищение. Они не обменялись ни одним словом, только правильными, точными и неспорченными данными.

— И я, — сказала Линья, следуя за отцом и замечая всё более сложные формы алгебраических, геометрических и алгоритмических представлений данных. Часть информации прошла сквозь неё, поглотив элементы её инфокровотока и создав непостижимую смесь, пока другие фрагменты метались вокруг, подобно испуганным рыбкам.

— Редкая жемчужина в небесах, — произнёс Виталий. — Поразительно видеть атмосферу, настолько благоухающую данными.

Котов нахмурился от такой неприкрытой метафоры, но позволил эмоциональной сентиментальности пройти без последствий.

— Такое редко увидишь даже у Адептус Механикус, — ответил он. — Если сравнивать, то Кватрия должно быть очень скучна.

— Так и есть, хотя мне и по душе покой скромных орбитальных галерей, — сказал Виталий. — Есть что-то почти мистическое в изучении звёзд. Знать, что свет, который мы видим, уже стар и жизнь, зародившаяся под их сиянием, закончилась, прежде чем мы даже узнали о её существовании. Смотреть на такие вещи — значит обрести мир и покой, архимагос, чувствовать себя единым с вселенной и знать своё место в ней. Когда мы вернёмся из экспедиции, вам стоит присоединиться ко мне на какое-то время. Созерцание прошлого расширяет кругозор.

— Возможно, я нанесу визит, — произнёс Котов, скрывая нетерпение кривой усмешкой, словно считая, что человеческий жест уже сам по себе демонстрирует дружелюбие. Большинство биологических микровыражений, отвергнутых жрецами Механикус во время восхождения в братстве машины, было почти невозможно восстановить несмотря ни на какие усилия. — Но мне придётся повременить с этим удовольствием, потому что тайны Шрама Ореола ждут.

Магос Азурамаджелли почти закончил расчёт оптимального курса, чтобы мы покинули орбиту и направились к краю галактики.

— Да, я вижу, — сказал Виталий, уважительно кивнув в сторону магоса астронавигации, который неподвижно стоял около одного из серебряных металлических возвышений. Азурамаджелли подключился к устройству при помощи множества нейронных кабелей, торчавших из ирисового отверстия в его корпусе. Зелёный свет омывал разделённый на части мозг и устремлялся вверх, а несколько тактильных когтей, просеивали потоки информации, которыми обменивались корабли исследовательского флота.

Азурамаджелли проигнорировал их появление на мостике, всё его внимание было направлено на факторизацию сложных статических данных магоса Блейлока, поступавших в блоки авионики. Проложить курс сквозь населённую систему — сложная задача, она требовала глубокого знания планетарных орбит, местных звёздных явлений и потенциального нематериального вмешательства, просочившегося в реальное пространство из варпа на границе в точке Мандевиля. И всё же Азурамаджелли не просто справился с задачей, его курс учитывал каждый аспект их путешествия более чем через три сектора к самому Шраму Ореола.

Плетёные цепочки бинарного логического кода разбегались от эпидермальных тактильных прикосновений, словно ресницы, когда он отбрасывал ненужные данные. Линья наблюдала, как его вычисления соединились в мандалу симметрии, числовые выражения и астронавигационные данные, воплощённые в свете и фрактальной геометрии.

Азурамаджелли выпрямился, и изящная скульптура переплетённого света поднялась над серебряным концентратором информации. Движениями механодендритов он поворачивал её из стороны в сторону, пока с помощью мозговой оптики под разными углами проверял правильность и комплексность.

— Можно прокладывать курс? — спросил Котов.

— Можно, — ответил Азурамаджелли, загрузив данные в трон архимагоса.

— Отлично, — сказал Котов. — И в самом деле, отлично. Так мы достигнем Шрама за сорок три дня, плюс-минус сутки. Приготовиться к...

— Вы позволите? — произнесла Линья, подойдя и протянув руки к медленно кружившемуся свету, созданному Азурамаджелли. Магос астронавигации поднял своё творение от неё, его жидкообращение ускорилось в раздражении из-за её вмешательства. Механодендриты поднялись, как испуганные змеи, и активировались несколько боевых систем. Свет в стеклянных колпаках замерцал сердитым красным.

— Вопрос: что вы делаете? — возмутился он.

— Я хочу проверить ваши вычисления.

— Заявление: не обсуждается.

— Почему?

— Уточнение: что почему?

— Почему не обсуждается? Я — магос Адептус Механикус. Безусловно, я могу проверить работу собрата-жреца?

Азурамаджелли резко возразил. — Вычисления слишком сложны для несведущих в гексаматических логических уравнениях. Без аугметики или изменений мозга вы не сможете понять многомерные целочисленные решётки.

Линья улыбнулась и позволила некоторым из своих почётных званий проявиться в ноосферной ауре.

— Думаю, вы увидите, что я — гексаматик-савант уровня секундус, — сказала она. — Насколько я вижу, вы — третичного уровня, магос Азурамаджелли. Заверяю вас, что пойму ваши вычисления.

Азурамаджелли повернулся к Котову, возможно, ожидая, что он отчитает её, но Линья полагала, что её логика импонировала архимагосу.

— Пусть посмотрит, — разрешил он. — Какой от этого вред?

Линья сумела проигнорировать несколько покровительственный комментарий и протянула руку Азурамаджелли. Шар света неохотно приблизился к ней, словно испуганное животное, которое уговорили подойти, обещая лакомство.

— Ничего не меняйте, — предупредил астронавигатор. — Геометрические данные легко повредить, и они подвержены сильной экспоненциальной деградации, если их неосторожно изменить.

— Моя дочь очень талантлива, — гордо ответил Виталий.

— Тебе не стоит объясняться, отец, — сказала Линья. — Пусть за меня говорят мои вычисления.

Она подняла руки и взорвала шар света быстрыми движениями пальцев. Мерцающая

алгебраическая архитектура проложенного Азурамаджелли курса закружилась вокруг тонкими нитями голографической информации такой сложности, что у неё перехватило дыхание. Миллиард раз миллиард вычислений, статистических экстраполяций и загруженных астронавигационных точек координат из десятков тысяч источников окружили её словно стая блестящих чешуёй океанид.

Большая часть его работ оказалась образцовой и недоступной даже для тех, кто обладал высоким рангом примусом гексаматики. Но Линья владела врождённым умением схватывать такие понятия, которое граничило со сверхъестественным. Она интуитивно понимала, как числа объединялись друг с другом, и поэтому увидела трещины в ранее казавшихся нерушимыми доказательствах с кажущейся непринуждённостью. Всё что мешало ей получить уровень примус так это отсутствие малейшего желания лететь на Марс и провести полвека в сходах храмов горы Олимп, когда галереи Кватрии предлагали смотреть на тайны вселенной.

— Ваши вычисления совершенны, магос Азурамаджелли, — сказала Линья.

— Вы говорите мне то, что я и так знаю, госпожа Тихон, — ответил астронавигатор, протянув механическую руку, чтобы собрать свет в пакет данных для передачи. — Теперь, если я могу продолжить...

— Совершенны, но неправильны, — продолжила Линья, вращая свет запястьем и увеличив масштаб до неровной фрактально обрезанной совокупности цифр.

— Неправильны? Невозможно. Вы ошибаетесь.

— Убедитесь сами. Одиночные дефектные данные в микроскопических аномальных гравометрических показателях во время вычисления увеличились по экспоненте. Они остались незамеченными, потому что оказались в пределах допустимой погрешности всей работы. Такой курс добавит четыре дня к нашему путешествию и нам придётся обойти кометный душ Джоуры.

— У моей дочери есть что-то вроде любви к регистрации кометных явлений, — сказал Виталий.

Оптика Азурамаджелли щёлкнула, фокусируясь, и его молчание сказало ей, что теперь и астронавигатор увидел ошибку.

— Она права? — спросил Котов.

— Похоже, что да, — ответил Азурамаджелли.

— Ошибка не в вычислениях магоса Азурамаджелли, архимагос, — поспешно сказала Линья, хотя уже поняла, что слишком поздно. Она не собиралась оскорблять магоса астронавигации и уже сожалела о игре на публику.

— Возможно, нет, — произнёс Котов, проверяя выделенные данные. — Но всё же он не заметил иррегулярность в паритете данных.

— Неудивительно, учитывая невероятный объём загруженной информации, — обратила внимание Линья.

— Но всё же ты увидела этот недостаток почти сразу. Возможно, мне стоит повысить тебя до статуса командной палубы?

— Не стоит. Мои специальные знания эффективнее использовать в картографии согласно первоначальным параметрам миссии.

Котов провёл рукой, которая излучала информацию в воздух, и кивнул, перенаправив её в ноосферу всего судна.

— Согласен, — наконец сказал он. — Азурамаджелли, обновите курс с поправками госпожи Тихон, и загрузите новую информацию в инфомашины корабля.

— Да, архимагос, — ответил Азурамаджелли, свернув обновлённый курс и направив его в серебряный концентратор. Золотые узоры света потекли в цилиндр, словно расплавленный металл, и дальше в информационную сеть “Сперанцы”, которая приветствовала новые данные выбросом совершенных чисел и гармоничных доказательств, которые зазвучали из каждой стены.

И отдалённой дрожью включившихся двигателей.

Магосу Дахану пришлось признать, что, несмотря на отсутствие аугметики эти кадианцы оказались хорошими солдатами. Их полк находился на борту меньше шести часов, а они уже отработали множество сценариев боевой подготовки с агрессией и умением, которые не соответствовали путешествию к Джоуре из кровопролитной зоны военных действий на Восточной Окраине, которое заняло несколько месяцев.

Огромное пространство Империиума не могло не сказываться, и большинство полков Гвардии сильно теряли в боевой эффективности после продолжительных перелётов в трюмах масс-транспортов Флота. Солдаты и в равной мере офицеры становились жертвами апатии, порождённой длительными периодами отсутствия на линии фронта и негативным воздействием затянувшегося путешествия в Имматириуме.

Но не эти кадианцы.

Они трижды захватывали генераторную, и с каждым штурмом время между первыми выстрелами и зачисткой последнего помещения становилось всё меньше. Здание сотрясало до основания от приглушённых выстрелов и мерцало стробирующими вспышками фугасных

гранат. Солдаты кричали, используя краткие условные обозначения, простой боевой сленг, который явно был отработан за годы совместной службы на их отсталом родном мире.

Дахану потребовалось меньше секунды, чтобы распознать незамысловатую кодировку их языка, опирающуюся на местный жаргон и включающую культурные отсылки. Для получения нужного ключа синтаксиса хватило индексного просмотра базы данных по Кадии и сопоставления криков действиям, а он уже помог расшифровать более сложные приказы. Неэффективное средство ретрансляции команд, но без доступа к ноосфере или любой бинарной связи между солдатами это было лучшим способом передачи приказов в пылу боя, не ставя под угрозу оперативную безопасность.

По огромной учебной палубе разносилось эхо лазерного огня и взрывов, крики приказов и рёв танковых двигателей. Эта область судна охватывала почти всю ширину “Сперанцы” и целиком и полностью отводилась под боевую подготовку, учебные базы и тренировочные поля. Целые армии могли обучаться здесь, воспользовавшись временем путешествия между начальным и конечным пунктом назначения, чтобы превратить недавно сформированные полки в готовые к сражению подразделения.

Можно было воссоздать любой боевой ландшафт: возвести целые города из блоков пермакрита, создать пустыни с помощью бульдозеров или обширные леса, вкопанные в землю. Учебная палуба являлась феодальным владением Дахана на “Сперанце” и он гордился, что не было ни одного боевого ландшафта, который он не мог бы создать своими логистическими ресурсами, и никакого полигона, который бы не предоставил множество испытаний тренирующимся.

В сопровождении сервиторов-писцов, мастеров гильдий скитариев и учеников-магосов Дахан доехал до безопасной зоны в центре палубы в транспорте на шасси “Носорога” с открытым верхом и счетверёнными тяжёлыми болтерами, установленными на передней наклонной броне. Известный как “Железный кулак”, он был разработан на основе остатков СШК, которые обнаружили на мире-кузне Порфет, прежде чем планету захватили био-ужасы Великого Пожирателя. Ему ещё предстояло пройти полную ратификацию Механикус, но Дахану нравились грубые очертания и целеустремлённость транспорта, и он использовал его, не обращая внимания на неофициальный статус.

Дух-машина “Железного кулака” был воинственным и рвался в бой, магос чувствовал его желание принять участие в тренировках на любой из сторон. Дахан разделял это желание, потому что и его создали воевать и убивать. Каждая часть его плоти была улучшена ради уничтожения: имплантированные роторные пушки на плечах, подкожные молниевые когти и цифровые скарификаторы в запястьях и кончиках пальцев, схемы целевых приоритетов, заряженный электричеством инфокровоток, огнестойкий слой кожи, информирующие об окружающей боевой обстановке модули топографов и увеличенный внутренний комплект боеприпасов.

Дахан представлял собой машину для убийства, математика смерти.

Более чем шестнадцать миллиардов загруженных и структурно проанализированных сражений и статистический синтез воинских стилей ста сорока трёх форм жизни позволили ему собрать

базу данных почти всех возможных боевых движений. Мало было противников, способных удивить Хиримау Дахана, и ещё меньше имели шанс превзойти его.

Распределив многогранные глаза и чувства между военными тренировками, которые проводились вокруг его БМП, Дахан обрабатывал бесчисленные источники информации, порождённые тысячами солдат в тяжёлых боевых имитациях.

Танки кадианцев с механической точностью двигались по воссозданному разрушенному городу, пока автоматические орудия, имитировавшие окопавшегося противника, вели огонь. Как только все позиции демаскировали себя, пара танков сопровождения устремилась на врага, а танк-мишень бросился в укрытие. Чтобы подавить противника “Адские гончие” атаковали с флангов, окатив позиции потоками горящего прометия.

Осуществлявшая поддержку техники пехота гарантировала уничтожение любого уцелевшего вражеского солдата. Снайперы на крышах “Химер” стреляли почти без промаха, нейтрализуя засадные расчёты, вооружённые ракетными установками или другими противотанковыми средствами.

После каждого успешного прохождения появлялись генетически увеличенные Механикус огрины и тяжёлые краны, перестраивая городской ландшафт, делая его ещё более продуманным и смертоносным с непросматриваемыми поворотами, огневыми мешками, зонами поражения, узкими улочками и перекрёстным огнём “ёлочкой”. И снова кадианцы прокатывались со сдержанной дисциплинированной яростью, встречая каждую новую угрозу с уверенной безжалостностью. Даже на самом тяжёлом поле боя они потеряли всего несколько танков, да и все из них сумели эвакуировать и отремонтировать спасательные команды “Атласов”.

Другие подразделения отрабатывали меткость, ещё больше рукопашный бой. Офицеры в чёрно-серых цветах, с бронзовыми нагрудниками и в форменных фуражках отдавали приказы, и даже комиссары в чёрных плащах тренировались столь же усердно, как любой из солдат; что нечасто встречалось в подразделениях Гвардии, вместе с которыми сражался Дахан.

Он подумал о том, как прекрасно наблюдать за сражением, которое ведут с чистой целью.

Мало полков из крови и плоти могли хотя бы приблизиться к боевой эффективности Механикус, и Дахану пришлось признать, что Котов сделал правильный выбор, запросив подразделение кадианцев.

Да, они были эффективным воинским подразделением, но они не были скитариями.

Воины Дахана сражались на поле боя со смешанным типом местности. Городские руины, суровая пустыня и густые леса. Облачённые в чёрную облегающую броню скитарии сражались без криков и напряжения кадианцев. Из-за телосложения, улучшенного при помощи стимулирующих шунтов, адреналиновых инъекций и пассивных усилителей мышц, они не испытывали необходимости в агрессивных криках, чтобы уменьшить реакцию на страх и

инициировать гормональные изменения, позволявшие солдату не обращать внимания на инстинкт самосохранения.

Тщательно регулируемые химические стимуляторы наряду с механической аугметикой повышали точность, силу и скорость. Уже и так выделявшиеся в полках, из которых их призывали, скитарии были элитой Адептус Механикус, являясь одними из лучших воинов галактики.

Крайне редко Дахан замечал боевой манёвр, выполненный ниже оптимальной эффективности, тогда резкой очередью бинарного кода из аугметированного горла он отдавал корректирующие команды и приказы о наказании. Дахан по праву считался мастером военного искусства, тактиком и воином, магосом, который превратился в испытательный комплекс для модернизации оружия и боевых стилей, загруженных по манифольду от других подразделений скитариев мира-кузни. Сражаться и убивать всё более изобретательными и эффективными способами стало для Дахан средством приблизиться к Омниссии. Бог Машина показывал всё новые и всё более смертоносные способы убивать, и для Дахана стало целью жизни, изучить их все и достигнуть вершин во всех летальных искусствах.

Он задержал взгляд на разрушенном комплексе казарм, из которого показалась толпа вспотевших кадианцев. Их кожа покраснела и блестела от пота. Форма выглядела помятой и пыльной, и вдобавок к внешнему виду, солдаты, по-видимому, были плохо дисциплинированы. Из здания их вывел капитан с перекинутой через плечо винтовкой, из дула поднимался пар теплового выстрела. Ноосфера казарм показывала, что они зачищены, и Дахан переключил внимание на смертельные метки солдат. Комплекс казарм являлся одним из самых трудных объектов для штурма и Дахан остановил “Железный кулак” мысленной командой духу-машине по нейронной связи.

<Диагностика; комплекс казарм. Доклад о функционировании защиты.>

Поток информации светящимся дымом хлынул от стен здания. Все автоматические защитные системы, укомплектованные сервиторами боевые средства и произвольные убийственные комплексы, разработанные, чтобы наносить максимальные потери, оказались полностью функциональны.

И всё же кадианцы захватили казармы, не потеряв ни одного солдата.

Борт “Железного кулака” открылся и Дахан, отключившись от духа-машины, вышел на палубу. Кадианцы изменили шаг, собираясь пропустить его, но он поднял руку в броне, останавливая их.

— Капитан Хокинс, ваши солдаты взяли комплекс казарм.

— Это вопрос? — спросил Блейн.

— Нет, — ответил Дахан, откидывая капюшон и показывая череп, который наполовину был из плоти, а наполовину механический. — Разве это прозвучало, как вопрос?

— Наверное, нет. Но у меня в ушах всё ещё звенит от фугасной гранаты, которую Манос бросил несколько позже, чем мне бы хотелось.

Наказанный солдат пожал плечами и сказал. — Ничем не могу помочь, если вы так хотите вступить в бой с врагом, что не ждёте взрыва, сэр.

Хокинс неохотно кивнул. — Справедливое замечание, Манос. И так, жрец, чем мы можем помочь или ты здесь, чтобы просто поздравить нас с очередной безупречной операцией?

— Я — Хиримау Дахан и это моя тренировочная палуба. Я проектирую модели боя и разрабатываю различные тактические симуляции.

— Тогда вы отлично поработали, — сказал Хокинс. — Некоторые рыбы достаточно трудные.

— Рыбы? Я не слишком знаком с рыбьей жизнью в том, как она относится к боевым операциям.

Хокинс хмыкнул, Дахан решил, что капитана позабавили его слова, вместо него ответил офицер, которого судя по биометрическим показателям звали Тайбард Рей. — Это — акроним, сэр. Fishes. Stands for Fighting In Someone's Hab. Так мы называем зачистку здания.

— Понятно, — произнёс Дахан. — Я добавлю это в боевой словарь, в раздел, посвящённый кадианцам.

Хокинс показал большим пальцем в сторону казарм. — Да, мы взяли их, хотя пришлось попотеть.

— Вы не потеряли ни одного солдата.

— Обычно я предпочитаю проводить операции в подобном ключе, — сказал Хокинс, заслужив мрачные усмешки нескольких рядовых.

— Комплекс казарм — одно из самых смертоносных зданий для штурма. Я удивлён, что вы сумели взять его без потерь.

— Значит, вы мало знаете о кадианцах.

— Напротив, — возразил Дахан. — Я загрузил больше тридцати тысяч боевых столкновений, зарегистрированных полками Кадии и/или записанные прикомандированными к ним

подразделениями Механикус.

— Вы мало напоминаете магоса, — заметил Хокинс. — Вы своего рода офицер скитариев?

— Я — магос, — ответил Дахан. — Секутор, если точнее. Я специализируюсь на боевой математике, метриках сражений и всех видах войны: от рукопашного боя до массовых мобилизаций.

— Да, вы выглядите вполне подходящим для боя. Вам следует как-нибудь потренироваться вместе с нами. Интересно посмотреть, как сражаются Механикус. Похоже, ваши скитарии способны справиться с любой неприятностью.

— Они самое эффективное воинское подразделение на борту “Сперанцы”, — сказал Дахан, позволив ноткам гордости появиться в голосе, и передал это чувство по ноосфере своим солдатам.

Лейтенант Рей кивнул в сторону подмостков с перилами, которые тянулись вдоль тренировочной палубы.

— Думаю, они могут поспорить с этим, — заметил он.

Дахан повернулся, его боевые информационные системы вспыхнули красными линиями, предупреждая об угрозе.

Высоко на подмостках над ними стояли семь фигур, Кул Гилад и шесть воинов в чёрной силовой броне. Чёрные Храмовники наблюдали за развернувшимися внизу боевыми тренировками, но Дахан не мог распознать ни одной их реакции. Броня воинов оставалась непроницаемой, их духи-машины необщительными и глухими к его вопросам.

Дахан позвал Кул Гилада. — Вы присоединитесь к нашим боевым тренировкам?

Возвышавшийся реклюзиарх покачал головой. — Нет, магос Дахан. Мы просто наблюдаем.

— Никто не наблюдает на этой палубе. Или вы сражаетесь или уходите.

— Тренировка на этой арене бесполезна, — сказал Кул Гилад. — Условия окружающей обстановки слишком щадящие, чтобы проверить нас.

— Полагаю, вы ошибаетесь.

— Значит, вы мало знаете о Чёрных Храмовниках.

Пятнадцать часов спустя “Сперанца” наконец сбросила гравитационные оковы Джоуры. Она повернула нос к внешним границам системы, из двигателей вырвалось горячее синее солнце, и ковчег снялся с гравитационного якоря. Даже столь незначительного изменения положения оказалось достаточно, чтобы судно оставило далеко внизу сине-зелёную планету. В знак уважения к тем, кто помогал подготовить “Сперанцу” к путешествию, магос Сайиксек изменил мощность двигателя, что привело к появлению вихревой вспышки из разных радиационных выбросов, которая опустилась в атмосферу в виде яркого полярного сияния над северным полушарием. Хотя такой жест казался несвойственным жрецам Механикус, для отбывающих исследовательских флотов считалось обычным делом выразить признательность тем, кто снабжал их ради риска в неизвестном.

На орбите осталось, по крайней мере, пятьдесят судов, на которые работала промышленностью планеты. Отправлявшейся в сектор Пергам Гвардии требовались ещё недели, прежде чем лорды-милитант решат, что погрузка и пополнение припасов полностью завершены. Собрать достаточно людей и грузов для длительной кампании — не самая лёгкая задача. Присутствие стольких логистов Механикус помогло ускорить этот процесс и в благодарность капитаны Флота приказали батарейным палубам дать оглушительные бортовые залпы в их честь.

Взгляды миллионов людей на поверхности планеты обратились к небесам, удивлённо наблюдая за переливающимися разноцветными лентами, которые сверкали в тропосфере, словно во время орбитального обстрела. В окружении великолепных каскадов облучённой выхлопной пыли и израсходованных боеприпасов флот Котова покинул орбиту, ведомый кораблём капитана Сюркуфа. Они направлялись в неизвестное, и никто не мог предсказать, чем закончится их путешествие. Рядом с “Ренардом” летел “Адитум”, скоростной ударный крейсер Чёрных Храмовников пронзал космос, словно устремлённый в сердце клинок.

Если судно вольного торговца спроектировали с роскошными высокими башнями, расширяющимся профилем крыла и ненужными аэродинамическими очертаниями, то судостроители Адептус Астартес построили свой корабль с одной единственной целью. Хотя и маленький в сравнении с большинством кораблей, которые использовали космические десантники, “Адитум” слыл забиякой, покрытым шрамами ветераном ста или больше жестоких космических битв.

И с боевым отделением Чёрных Храмовников во главе с реклюзиархом на борту его боевое мастерство выросло в геометрической прогрессии.

За тремя ведущими кораблями следовала армада: перерабатывающие суда, рудные скитальцы, корабли, представлявшие собой не более чем огромные атомные реакторы, суда-мануфактуры, гигантские водоносные танкеры, плавучие мастерские и множество быстроходных тендеров, которые предстояло использовать, как обычные рабочие лошадки, переправляя людей и военные машины внутри флота. Кроме обслуживающих судов архимагос Котов призвал боевой флот Механикус, чтобы пронзить завесу Шрама Ореола.

Корабль типа “Воздаяние” “Кардинал Борас” построили на верфях Райвенсгарда-4 почти пять тысяч лет назад, и он не понаслышке знал о путешествиях эксплораторов. “Кардинал Борас” участвовал в экспедиции вольного торговца Вентуния, которая отважилась направиться вглубь северного обода галактики, и он был одним из пяти вернувшихся судов. Его оружие положило

конец “Власти Железа” в сражении при Корске, а славная история включала боевые отличия, заработанные более чем в восемнадцати флотах сектора. Он сражался в составе линейного флота Готического сектора против флотилий Вечного врага и сейчас снова осмелился отправиться за пределы света Астрономикона.

Два крейсера “Готик” “Дитя Луны” и “Дитя Гнева” словно преданные последователи защищали фланги “Кардинала Бораса”. Когда Механикус спасли их на плече Ориона, от крейсеров осталось мало что кроме пылающих обломков. Их капитально отремонтировали и переоборудовали, дабы лучше служить Механикусу, а корпуса освятили в терминус нокс Фобоса и Деймоса, когда восстанавливающие аспекты Омниссии достигли апогея. После возрождения и развёртывания оба непоколебимых поборника боевых флотов Адептус Механикус стали фактически единым целым, и если их направляли в разные флотилии, то начинали происходить необъяснимые механические поломки и системные ошибки, пока они снова не начинали работать вместе.

Чтобы выплатить архимагосу Котову многовековую дебита фабрикаата мир-кузня Фосс Прайм прислал три тяжеловооруженных эскортных крейсера линейного флота Армагеддона, дабы действовать заодно с Марсом. Два лёгких крейсера “Стойкость”, “Клинок Чести” и “Мортис Фосс” плыли на острие построения вместе с “Клинком Фосса”, противолодочным кораблём типа “Стремление”. На всех трёх крейсерах виднелись почётные символы, полученные в награду от линейного флота Армагеддона, а “Мортис Фосс”, помощник капитана которого нанёс смертельный удар флагману зелёнокожих “Чоппа”, заслужил личную геральдику принцепса Зархи, павшей Старейшины Инвигиллаты.

Эскадры модифицированных фрегатов, эсминцев и армада системных судов исполняли роль почётного караула флотилии эксплораторов, но на границе системы они повернут назад. Обладая достаточным количеством ресурсов, чтобы снабжать экспедицию за звёзды много лет, и огневой мощью, чтобы дать отпор всем, кроме самых могучих врагов, флот Котова был настолько хорошо подготовлен насколько это вообще возможно.

Время покажет, достаточно ли этого.

<http://tl.rulate.ru/book/30591/657080>